

Виктория БЕЛЯЕВА

ВСЕ В МИРЕ ОТ ЯБЛОКА

* * *

Вот бабушка с бидоном молока —
ладонь поймала теплая рука,
и я прошу купить гематогена.

Вот дед с балкона машет нам двоим,
а небо мятный выдыхает дым
и под ногами пух лежит, как пена.

Вот память — ненадежный аргумент,
в ней все живет, как квантовый момент, —
устраивайся в день, что ближе к сердцу.

А между тем и между этим «вот»
иное настоящее живет,
чтоб в это настоящее смотреться.

* * *

Неужели все это ты —
белоснежка из девяностых;
ищешь правды, как гвозди, острой,
носишь банты и куришь дым?

Неужели все это ты —
в драных джинсах и с драным сердцем;
ходишь замуж, в кино, на лекции,
разбавляешь 0,5 мечты?

Неужели все это ты —
мама, девочка, дочка, дурочка;
по зиме, но в осенней курточке
мчишься, чтобы сжигать мосты?

Это ты. Это я и ты.
Туфли-гвозди, как правда, острые.
Девяностые. Девяностые,
отпустите до темноты.

Подоконники

Город с вечной, бессмысленной мерзлотой.
Город ночи, где снег, как кисель густой,
Что съедает время, людей и путает воспоминания.

На окне ледяном девятого этажа сижу.
Жду с работы маму, в гостинке тоска и жуть.
Если вниз поглядеть, то тянет лететь в отчаянье.

Мама, мама, мамочка, появись!
А внизу метелью накрыт Норильск.
Я боюсь шевелиться, а вдруг меня нет и не было.

Бьется сердце, и страшно жить.
Распускаю на вязаной кофте нить.
И во всей черноте только ниточка эта белая.

Но в замке раздается шершавый звук,
Обнимаю ледышки знакомых рук.
Пахнет тундрой моя королева тонкая.

Зажигается желтый, как солнце, свет,
И зимы в этом мире на время нет.
И куда бы деть из памяти подоконники?

Папа

Вот альбом, в нем лежит от тебя письмо.
Я читаю прошлое между слов —
мы идем по городу, майский день,
покупаешь у тетки с весной сирень.

Это маме. Я знаю, цветы ты подарить маме.

Я листаю память. А там зима,
ты поставил елку — сойти с ума!
Где достал ты елку и к ней — звезду?
Собираешь гирлянду, сижу и жду.

А потом игрушки и дождик развесим сами.

А еще, но это важней всего —
в день двенадцатилетия моего
подарил кассетный магнитофон.
Это сон, твердила я, это сон.

Но такие вот сны врезаются прямо в сердце.

И метель в ту зиму мела, мела,
и такую маленькой я была —
умещалась вся на твоих плечах,
ты бежал и имя мое кричал.

Я смеялась, домой не спешила греться.

Я читаю прошлое между строк,
понимаю то, что сказать не смог.
И не нравится больше взрослеть ничуть,
я хочу опять к твоему плечу.

А за окнами дождь по сирени в ответ закапал.

Я читаю: «Согрей молоко и мед,
и ангина и боль из груди уйдет.
Все пройдет, моя милая, выше нос!»
Я теперь очень сильно люблю мороз.

Но в снежинках чужие плечи и детство, папа.

* * *

Укутай меня, укради у стай
и в почву горячим стволom вращай.
И стань бледным снегом, искрись рекой.
Я буду землей. Травяной покой
спасет, как спасает внезапный кров
от долгих дорог и чужих ветров.
Я стану стихами в твоей воде
В вечном пути или в этом дне.

Говорит: «Все в мире от яблока, милый ты мой воробушек,
сердцевина — есть жизни косточка, из нее прорастает
дощечка-веточка,
да и крест нательный, венчальный, могильный колышек.
В колыбели земли хранится горсточкой, теплым светочем».

И глаза у бабушки — камешки, самоцветы синие, а в ладошках
хлебушек.

На ладошках старость в морщинках прячется,
точно лучики-звездочки.

В красный угол с прищуром глядит, на иконы, на фото дедушки:
«Царствие всем Небесное, яблоки всем вам райские,
дайте весточку!»

И берет свой белый, как тело, хлебушек, и бросает его птенцам
в окошечко:

«Вот вам, птахи, еда, зацветает весна, и песни, для сердца добрые,
зачиричите.

Зацветет антоновка, соберу урожай и сварю я варенье на зиму,
хоть немножечко.

Прилетишь ты ко мне, а меня уже нет, но варенье стоит из яблочек,
дожидается.

На земле все временно, все от яблока, из сердцевинки-косточки.

Не кончается.

Не кончается».

